

## **КОММЕРСАНТЪ: «БОРЬБА С ДОПИНГОМ — ЭТО НЕ ПИАР, А СКРУПУЛЕЗНАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОТА»**



История, связанная с запущенной Всемирным антидопинговым агентством (WADA) процедурой лишения статуса соответствия Российского антидопингового агентства (РУСАДА), от исхода которой зависит формат участия России в ближайшей Олимпиаде, вступает в решающую стадию. В ноябре состоится встреча экспертов WADA и российской стороны, посвященная обсуждению обнаруженных в базе данных Московской антидопинговой лаборатории несоответствий. Перед ней министр спорта России Павел Колобков рассказал “Ъ”, в чем заключаются вопросы головной антидопинговой структуры к России, почему случившееся с базой нельзя называть «манипуляциями» и какими он видит шансы на благополучный для российской стороны итог расследования.

— Кто будет участвовать во встрече, которая скоро состоится и какая задача стоит на ней перед российской стороной?

— Участвовать будут представители WADA, в первую очередь департамента расследований, который должен сделать итоговые выводы, эксперты Лозаннской антидопинговой лаборатории и наши специалисты, в том числе независимая группа, обеспечивавшая передачу базы данных. Наша задача — объяснить все, как их называет WADA, несоответствия между базой данных, предоставленной ранее Григорием Родченковым (переехавший в США бывший глава Московской антидопинговой лаборатории, ключевой информатор WADA.— “Ъ”), и базой данных, переданной в январе. Объяснить, были ли входы в систему и в чем они заключались.

— Несоответствия вы уже объясняли вскоре после сентябрьского исполкома WADA, который запустил процедуру в отношении РУСАДА, отвечая на 31 вопрос от этой структуры, правильно?

— Правильно. Потом появились дополнительные вопросы. Мы на них тоже ответили. Потом нас попросили предоставить еще одну базу данных, которая фигурировала в отчете наших экспертов, но WADA ее не забрала в январе, «зеркало» компьютера системного администратора, резервный диск... Мы все открыли, все предоставили, а эксперты на все вопросы оперативно ответили.

— Что за эксперты, кстати? Откуда они?

— Это в основном технари, специалисты в IT-технологиях, поскольку передача базы была серьезной технологической задачей. Детальное исследование базы данных группой таких специалистов проводилось еще в рамках расследования, которое ведет Следственный комитет России по делу Григория Родченкова (открыто в 2016 году.— “Ъ”). Его официальную версию мы передать не имели права, так как такая передача возможна опять же лишь в рамках следственных действий, по запросу правоохранительных органов. Но тот отчет, что передан WADA

— так называемый повествовательный отчет,— основан на этой экспертизе.

— **Расскажите, что там написано.**

— Вся информация, касающаяся расследования, носит конфиденциальный характер. До тех пор пока расследование не завершено и не дана оценка.

— **Хорошо. Но тогда почему глава РУСАДА Юрий Ганус постоянно делится такой информацией?**

— Повторю: она является конфиденциальной для всех участвующих в расследовании сторон — для нас, для WADA. Таков стандарт Всемирного антидопингового агентства. И у меня вызывает удивление, что иногда какая-то информация появляется как в западной, так и отечественной прессе, то есть публично. Те, кто ее распространяют, нарушают стандарт. Тем более, чаще всего эта информация не соответствует действительности. Вот я был на прошлой неделе на Международной конференции по вопросам допинга в спорте в Катовице. Мне задали множество вопросов, и в основном все они из разряда кем-то запущенных слухов. Ответили мы на восемь вопросов WADA или нет? Да, конечно, ответили!

— **Но почему хотя бы в общих чертах не пояснить, в чем суть всех этих вопросов?**

— Во время заседания Совета учредителей WADA цитировались данные из технического отчета по базе. Если вы видели эти цитаты, то можете получить представление о вопросах. Они касаются ряда входов в систему, веток входов, которые якобы могли привести к потере каких-то данных. И эксперты пытаются объяснить, с чем связаны входы, где находятся файлы. Выводы могут быть различные. Эти вопросы — они для продвинутых экспертов в области технологий, потому что компьютеры, компьютерные базы — сложная история. Это может быть связано с наладкой системы, это может быть перенос файлов.

— **Притом что база данных, как считалось, была опечатана в рамках расследования Следственного комитета?**

— Штука в том, что лаборатория продолжает работать и до сих пор исследует анализы. И объем информации, которую нужно заводить в так называемую систему LIMS (система управления лабораторной информацией.— “Ъ”), продолжает скапливаться. То есть закрыть ее невозможно физически.

— **Давайте уточним: конкретных спортсменов они не касаются?**

— Нет, не касаются. Там нет ни одной фамилии.

— **И про сокрытие допинговых кейсов речь не идет?**

— Эксперты WADA говорят: был вход, при входе были отданы такие-то команды. С чем связаны входы, почему эти команды были отданы и где вот эти файлы, которые, по их мнению, пропали? Наши эксперты объясняют, что система работает, постоянно обновляется, в ней неизбежно что-то происходит... И еще важный момент. Эта система не имеет никаких сертификатов, лицензий, потому что была создана в самой лаборатории сотрудниками Григория Родченкова. И использовалась для определенных целей — как для целей управления системой, так, возможно, и для изменений. То есть она — несовершенный продукт.

Это я про систему LIMS, куда данные вводятся вручную. Но есть и другая система. Это так называемые raw files, «сырые файлы». Они являются, по сути, данными, полученными с приборов, которые потом заносятся в LIMS. На основании этих данных можно заключить, что в пробе находится, какие показатели у спортсмена. Вся эта база за много-много лет хранится на дисках приборов, на жестких дисках. Кроме того, есть еще огромный объем — четыре терабайта — данных. Их тоже можно посмотреть, проверить.

— **Вы эти данные тоже предоставили WADA, так?**

— Совершенно верно. Теперь вы представляете, насколько трудоемкая, сложная работа у тех, кто ведет расследование, на какого уровня технические вопросы приходится искать ответы?

— **Вопрос, может быть, попроще: а почему российская сторона так долго решала проблему с передачей базы данных WADA?**

— Да потому, например, что само по себе изъятие базы данных оказалось сложнейшей процедурой. Компьютер, на котором все записывалось,— 2003 года выпуска, диски — очень старые, древние. При остановке сервера можно было потерять всю информацию. Специальной группе WADA поэтому пришлось продлевать пребывание в России. Мы просто раньше не хотели посвящать людей в эти проблемы. Из-за этого, кажется, и появились разные предположения, спекуляции.

**— Формальный дедлайн с передачей базы данных WADA — до 31 декабря 2018 года — был нарушен из-за отказа в допуске в лабораторию группы агентства в связи с тем, что ее оборудование якобы являлось несертифицированным. А про эту историю что скажете?**

— Я повторю: Следственный комитет России ведет расследование. База данных — это для него улики, вещественные доказательства. Если ее испортят оборудованием неизвестного происхождения, доказательства можно выкидывать на помойку. Это я объясняю как дилетант, но ситуация выглядит примерно так... Так вот, WADA с этими доводами согласилось. Мы договорились о том, что все оборудование будет предоставлено по его требованию российской стороной. Оно было найдено — а это, кстати, редкое и дорогое оборудование — и предоставлено в крайне сжатые сроки. Более того, российские специалисты помогли гостям справиться с возникающими вопросами в ходе изъятия базы.

**— Какая, к слову, сейчас подведомственность у Московской антидопинговой лаборатории? Она же не подчиняется Минспорта РФ, хотя именно с этим ведомством ее часто ассоциируют?**

— Два года назад мы передали лабораторию со всем оборудованием МГУ. Министерство спорта сейчас не имеет с ней ни финансовых, ни юридических взаимоотношений. Лаборатория работает самостоятельно по стандартам Всемирного антидопингового агентства. Вмешательство в ее деятельность со стороны государства невозможно. Любая антидопинговая лаборатория должна быть полностью независима с финансовой и операционной точки зрения. В противном случае она потеряет аккредитацию.

**— К РУСАДА министерство формально тоже не имеет отношения...**

— Все, что требовалось по разработанной совместно с WADA «дорожной карте» для его реформирования, восстановления, мы сделали. Пригласили иностранных экспертов, которые проводили отбор кандидатов на руководящие должности, сформировали основной пакет документов, нормативную базу. В совет учредителей РУСАДА представители министерства не входят.

Мы даже договорились, что Минфин будет финансировать РУСАДА напрямую, чтобы была полная прозрачность, чтобы не было вопросов насчет того, что Министерство спорта, пусть косвенно, влияет на перераспределение финансового потока.

**— Глава структуры ведь был выбран по итогам конкурса?**

— Да. Изначально на него заявилось около 700 человек. Потом осталось 12, потом — шесть...Насколько я помню, одно из основных условий заключалось в том, чтобы человек был не из спортивной отрасли и не из медицины.

**— Именно так?**

— Мы говорили, что готовы предложить ряд кандидатур: вы можете их проверить, оценить. Нам сказали — нет, мы будем отбирать сами. Нам нужен человек, не являющийся специалистом ни в спорте, ни в медицине, просто менеджер.

**— Но вы контактируете с Юрием Ганусом? Просто в последнее время складывается ощущение, что контакта нет никакого.**

— Конечно, контактирую, готов и дальше продолжать. Мы достаточно часто встречаемся. Другое дело, что на следующий день, бывает, выходит интервью, из которого я узнаю много нового... Повторяю: мы готовы помочь РУСАДА, у которого, учитывая самостоятельность, есть, впрочем, собственная обширная повестка. Оно обязано планировать и проводить тестирование, образовательные мероприятия, расследования. Причем опять же сохраняя конфиденциальность до окончательной оценки, вердикта. Мое мнение: борьба с допингом — это не пиар, а скрупулезная ежедневная работа со спортсменами, информаторами, пробами.

**— А с руководством WADA какие у вас сейчас отношения, учитывая особенности, скажем так, ситуации?**

— Нас воспринимают вполне нормально. Мы общаемся. И это человеческое и деловое общение, которое на самом деле никогда и не прекращалось. Более того, я так погрузился в вопросы антидопинга, что, наверное, могу теперь считать себя специалистом в этой области.

**— Что вы в таком случае думаете про антидопинговый «закон Родченкова», который вот-вот вступит в силу в США?**

— Странный закон. Он предоставляет колоссальные полномочия USADA (Антидопинговое агентство США.— “Ъ”), американским правоохранительным органам. При этом Всемирный антидопинговый кодекс, правила WADA по-прежнему не распространяются на профессиональные лиги в США. Как это в принципе возможно? А так получаются те самые двойные стандарты. И еще возникает опасный пример для других стран, видов спорта. В них ведь тоже могут появляться профессиональные лиги, не подотчетные WADA, Международному олимпийскому комитету, международным спортивным федерациям.

**— Это ваша личная точка зрения?**

— В Катовице тема «закона Родченкова» затрагивалась, и было видно, что последствиями его принятия озабочены многие. Все уверены, что в антидопинговой политике должен быть единый подход, единые стандарты, принятые всеми странами. Есть кодекс WADA, есть антидопинговая конвенция ЮНЕСКО — им и надо следовать.

**— И все-таки вернемся к наиболее актуальной для России проблеме. Почему глава РУСАДА упорно говорит про «сотни или тысячи» скрытых проб, про «катастрофичность» ситуации? Он же не с потолка берет эти тезисы?**

— Я не знаю — почему. Ни в одном документе слово «манипуляции» не фигурирует. Есть несоответствия в базах данных: какие-то файлы, по мнению привлеченных WADA экспертов, были удалены. Наши эксперты считают, что файлы есть, никаких удалений не производилось. Есть, в общем, разная интерпретация. Мы обязаны донести свою точку зрения понятно и убедительно. И мы обязаны понимать, что за нами стоит армия российских спортсменов, что от нас зависит их будущее. И это спортсмены, которые, прямо скажем, совсем неплохо выступают в последние два года, добиваются настоящих прорывов, как в той же спортивной гимнастике.

**— В «мире иллюзий», как сформулировал Юрий Ганус, вы не живете?**

— А я никогда так не жил.

**— И как вы предполагаете, ситуация будет развиваться?**

— Я не хочу гадать. Ситуация, действительно, непростая. В первую очередь сейчас надо, чтобы эксперты сели за стол, объяснили друг другу все, что думают об этом деле. А после этого нужно проанализировать всю базу в целом и перейти к индивидуальному рассмотрению каждого отдельного случая, если такие будут. Я думаю, что этот путь — самый правильный.

**— Варианты более неприятные вы в голове держите?**

— Мы делаем все, чтобы ситуация разрешилась. И действуем абсолютно прозрачно, потому что к этой истории приковано повышенное внимание, и мы стараемся быть открытыми для общественности... Если честно, не хочу думать, что дойдет до самого худшего варианта... В таком случае дело перейдет в юридическую плоскость. Но поверьте, делается все для того, чтобы ситуация разрешилась благополучно.

**— А она лучше или хуже, чем была перед предыдущей — пхёнчханской — Олимпиадой, на которую сборная России поехала под нейтральным флагом и с усеченной заявкой?**

— Перед Пхёнчханом она лучше точно не была. Да, честно говоря, плохая тогда была ситуация — хотя бы с точки зрения взаимоотношений с международными организациями. Вы же помните, в каком ключе проходили исполкомы WADA, сколько расследований велось по нашим спортсменам, какое было давление.

— **Давление есть и сейчас, разве нет?**

— Если вы заметили, оно возрастает накануне любых важных мероприятий, а к Олимпиаде нагнетать будут еще сильнее...

К сожалению, приходится констатировать, что в спорте стало слишком много политики.

*Интервью взяли Алексей Доспехов и Грант Косян*

*Газета "Коммерсантъ" №207 от 12.11.2019*